

ОБ ОДНОМ СТАРООБРЯДЧЕСКОМ ПИСЬМЕ XVII ВЕКА.¹
(К БИОГРАФИИ СИДОРА КАРПОВИЧА)

Фольклор, постфольклор, быт, литература. Сб. ст. к 60-летию А.Ф. Белоусова.
СПб.: СПб-й Гос. ун-т культуры и искусства, 2006, с. 21-49.

Пойми: уменьем умирать
Душа облагорожена
Ал. Блок. Заклятье огнем и мраком. VII²

Ту книгу – Книгою зовут,
В начале в ней стоит: «В начале».
(Н. Минский. Видение Агасфера).

I

В начале 1679 на р. Березовке в 12 верстах от Ялуторовской слободы «чернецъ Данило со единомысленники своими в избахъ сожглись, а иные ушли врознь»³. 4 февраля в Мехонской слободе «Мехонские крестьяне и драгуны и б(л) лом(л) стны е казаки собрався съ женами и съ д(л) теми ся живя по примеру (л) дом о сташ и А вра Данилы. Их уговаривал приказчик Гаврило Буткеев, но исход дела из документа остается неясным. В марте 1679 года «в(л) домо учинилось вТоболску боярину и воевод(л) Петру Васильевичу Шереметеву съ товарищи, что в Исецкомъ [Исетском] острог(л) паш енной крестьянинъ Ивашко Бархатовъ да Ивашко Казанецъ, переходя во многіе места, православныхъ христіанъ отъ истины прельщаютъ <...> и по той в (л) домо вь исетской острог драгунского строю къ капитану Степану Полякову, да къ рикашику къ Ивану Почекунину о поиске и о присылке в Тоболесь тех воровъ Ивашка Бархатова со единомысленики его».

Ивашко был пойман (вместе с ним поймали «гулящего чело (л) ка утекле лова заимки»), однако брат Ивашки Ганка Бархатов собрал «челов (л) цаць и блбл- ши, и на дорог (л) у прово стовку и заперлись во двор(л) человек съ сорокъ и болши, хотять зжеца <...> а вь деревн (л) де Мостовк (л) наставникомъ сво кры чали и н имъ и учителемъ». Степан Поляков и Иван Печкунин « (л) здил съ драгуны и съ белом (л) стными которые во двор (л) хъ запер. лести отстали, изъ двора вышли и жили вь домахъ своихъ по прежнему». Те ответили: «дайте де вы намъ строку марта до 30 числа и отъ (л) дьте де н ловъ не ставте, и мы де изъ запору выдемъ вонъ и будемъ жить по прежнему вь домахъ своихъ, и вамъ де пришлем мы сказку о такомъ д (л) л(л) дл нон (л) ауть оть намъ и поставите, и мы де от васъ созжемся».

Увещеватели послушались и «отъехали». «И марта вь 30 день Ивашко Бархатов съ товарищи к нам на Исетский острог писали и сказку о запор (л) ка мв ем, за свои прислали». Далее следует «Списокъ съ сказки слово в слово» и он начинается с подробного изложения обстоятельств, причем поначалу – с точки зрения властей «<7> 187, марта вь 14 день, по государеву, цареву и великого князя (л) и и Малыя и Б (л) само держца указы и наказной памяти боярина и воеводъ Петра Васильевича Шереметева съ товарищи, прислана из Тоболска наказная память в исетский острог». Эта часть едва ли могла быть в самом деле написана старообрядцами (хотя далее, опровергая обвинения, они снова ссылаются на официальные документы). Однако очень

скоро точка зрения меняется: «И мы, сироты твои великого государя, видя его Ивашка Бархатова связана и в острогъ послана съ служилыми людьми, и собравшися в другой деревнѣ и вышли и отъ служилыхъ людей взяли, а служилыхъ людей съ ними послано было четыре человѣка, и мы, государь, тѣхъ служилыхъ людей ничѣм не вредили, то они приказные люди на насъ писали ложно, будто мы ихъ били; и егда приехали мы въ свою деревню да и сѣли во дворъ, и заперлися с женами и съ дѣтми».

Письмо это было приведено почти полностью в работе одного из авторов настоящей статьи⁴, как пример «легальных» методов разрешения конфликтов между старообрядцами и государством (см. ниже), «челобитны[х], с помощью которых крестьяне пытались разрешить насущные проблемы. Противники никоновских нововведений иногда прибегали к последнему из этих способов, как, например, исетские старообрядцы <...> Но, как правило, письма участников самосожжений⁵ по своей сути очень редко напоминают челобитные, жалобы в них сменяются обличительным пафосом». В другом случае это письмо привлекается для иллюстрации системы подкупа, как одного из механизмов адаптации крестьян к административной системе: «Система подкупа предполагала существование некоторых правил, прежде всего в том, что касалось периода внесения платы и ее размера. Ее функционирование гарантировало некоторую стабильность жизни старообрядцев, однако она не решала проблемы окончательно, поскольку представители местной администрации могли в любой момент начать увещательную деятельность, нередко сопровождавшуюся угрозами и пытками. Так, в 1679 году крестьяне Мехонской слободы Тюменского уезда, решившиеся на самосожжение, если их будут вынуждать принять новую веру, жаловались <...> на приказчика Гаврилу Буткеева: “у нас, государь, онъ Гаврило Буткѣв многих людей взял, а иныхъ съ собою повезъ в Исетской острогъ, и егда отъжалъ от деревни версты съ двѣ и тутъ морилъ на морозѣ многихъ людей весь день до вечера безъ одежъ, а просилъ по полтине съ человѣка со вся деревни, и намъ беднымъ дать было нечего, и тогда он Гаврило Буткѣв всѣхъ насъ распустилъ по домамъ своимъ, а женъ и дѣтей нашихъ разогналъ, иныхъ въ лесъ, а иные, государь, бегаячи от него Гаврила, руки и ноги познобили”. <...> Впрочем, судя по следственным делам, такие случаи были скорее исключением, пытки могли применяться лишь тогда, когда старообрядцы оказывались под арестом».

Эти жалобы как и последующее части документа убеждают в достоверности письма и в его авторстве. Труднее определить его жанр. По определению «архивы», и самой инстанции, получившей письмо, и его авторов, это *сказка*. Говоря языком современной номенклатуры документов, письмо представляет собой или, во всяком случае, начинается как «объяснительная записка» или «объяснение»: старообрядцы излагают ход событий и их причины и при этом пытаются оправдаться. Однако очень скоро появляется обращение к Государю, как бы анафорическое по отношению к государеву имени в начале письма (где речь идет не о самом государе, а о его указе), и объяснение быстро превращается в жалобу, как мы видели выше, а далее, когда авторы переходят от частной ситуации к тому, что их вообще ложно обвиняют в расколе – в пропагандистский текст, обличающий никониан:

«И какъ прижали онъ (sic!) на Мостовку и прочитали твой великого государь (sic!) указ, велѣно насъ розговаривать добромъ, чтобъ мы сами не жглись, и то мы твое великого государя жалованье слышали, что нечѣм нас не озлобить, и по своим домам розоттися, и жить по прежнему»⁶. Здесь авторы еще защищаются и ссылаются на покровительство закона (на современном языке «качают права»), но далее они решительно переходят в наступление: «<...> и отъ приказныхъ людей слышали же, государь, что они насъ еретиками и расколниками называли: ей, ей, великій государь, Бог вѣсть и пречистая Богородица и вси святїи, не знаемъ за собою никакого вымысла злаго, но точїю держимся старого благочестїа и проповѣди святыхъ апостолъ и святыхъ седми вселенскихъ соборовъ уложеня, и девяти помѣстныхъ и здѣ бывшихъ (въ) Великой Росїи благоверныхъ и благочестивыхъ царей и великихъ князей и святѣйшихъ пяти патріарховъ прежь Никона

бывшихъ, книги держимъ мы, за т(л)книги стражемъ и умираемъ; а Никоновыхъ, государь, новопечатныхъ книгъ, и посл(л)его которые вышли, не принимаемъ, и не в(л)фруемъ ихъ преданію, потому, государь, что т(л)новопечатные книги» ... и т.д., далее следуют многочисленные и в общем известные аргументы в защиту старообрядчества и даже самосожжения (включая список древних христианских мучеников-самоубийц).

Ситуация типологически очень близка (настолько близка, что, в принципе, может даже возникнуть вопрос о генетической преемственности) к «эпистолярной» пропаганде демократического движения («диссидентов», «правозащитников») 1960-70 годов. Мы видим в обоих этих случаях одинаковую двойственность, она характерна, с одной стороны, для прагматики – двойственность целей: письмо должно защищать вполне реальных и конкретных людей и, в то же время, вносить свой вклад в декларирование, обоснование и пропаганду общих принципов, а также в обличение режима или неправой веры. С другой стороны, двойственность отличает и имплицитное самоопределение, позицию автора или первого лица (напомним, что диссидентские письма, за редкими исключениями подписывались коллективно, причем подписывалось «готовое», уже кем-то сочиненное письмо, так что формальный «соавтор» письма не имел власти над его текстом): авторы таких писем одновременно мыслят и/или заявляют себя противниками, скажем, господствующей идеологии и, в то же время, более или менее лояльными гражданами, в противном случае их апелляция к властям и даже к законам теряет смысл. Последняя позиция, конечно, облегчалась разделением сфер: «я против Никона и его последователей, но лоялен по отношению к Государю⁷» – «я против коммунистической партии, но лоялен по отношению к советской власти».

В обоих случаях жанровая двойственность: одновременно прошение и обличение (прокламация) – обусловлена демонстрацией готовности или искренним желанием пострадать за свою веру; для диссидентов религиозных это, разумеется, более естественно, т.к. осуществление такого желания означает для них мученический венец, что объясняет практику «самоизвета» – когда человек сам представляет властям материалы, изобличающие его в расколе⁸. Нужно подчеркнуть, что в таких текстах изобличение автора в расколе или ереси важнее, чем обличение адресата и вообще окружающего мира (в этом их принципиальное отличие, скажем, от проповеди юродивых).

В случае нашего письма как «авторство», так и готовность *пострадать* (не в огне – к этому авторы письма, скорее всего, были, в самом деле, готовы – а от властей) оказывается более проблематичной. В финале авторы заявляют о своей готовности и намерении сжечься: «И сему святому писанію конечно, государь, в(л)фру емлем и вси готови за имя Божіе умерети, нежели отъ правов(л)фія отступитъ» – и говорят о письме именно как о челобитной царю, вопреки обстоятельствам его возникновения: «И многіе люди сов(л)щавшеса, пишемъ тебе великому государю отъ жалости и сокрушенія сердца своего, аще намъ не дадутъ многимъ во едино м(л)кто собратися, имы (sic!) хотя ста по два или по три, аще ли, государь, и тако не дадутъ собратися, и мы каждый во своемъ дому да постражемъ, а отъ Христа не отстанемъ <...> и мы вс(л)за единодушно пострадати хощемъ, <...> а никако хощемъ пощадити себе, за Христа пострадати изволимъ»⁹ – и заключают: «То и сказка изъ нашего Исетского острогу, деревни Мостовки, которые сидимъ за имя Божіе и за свидетелство Исусъ Христово; а сказку по его Ивашкину вел(л)ню и вс(л)хъ затворщиковъ, того ж затвору сидельць, а к подлинной сказке, вместо Ивашка Бархатова и вс(л)хъ затворщиковъ, по ихъ вел(л)ню, того ж затвору сид(л)лец Сидорко Карповъ руку приложилъ».

Финал письма несколько спутанный, странный повтор – недописанная фраза (выделена нами курсивом) повторяющаяся с некоторым изменением (с расхождением и в форме имени и в орфографии слова *веленье/веленіе*) – мог быть результатом ошибки писаря одной из копий. Однако общий итог очевиден: никто из *сидельцев* не подписался под письмом, даже тот, чье имя невозможно было бы утаить и кто, единственный, назван в самой сказке – изначальный зачинщик и наставник Иван Бархатов. Нужно заметить, что в этой

последней части текст, на современный слух, очень трудно не прочесть как письмо заключенных. Нужно специально напомнить читателям, что *острог* здесь не тюрьма, а населенный пункт, и что *сидят* за имя Христово авторы письма не в камере, а в срубе, приготовленном для самосожжения. В остальном ситуация поразительно напоминает тюремную¹⁰ – как и поведение участников, см. непосредственно ниже. Создается впечатление, что перед нами не старообрядческое письмо («листочка») с изъявлением готовности пострадать за старую веру, а «коллективка» – групповая жалоба, которая по советским правилам каралась как заговор. Именно такое объяснение или хотя бы такая аналогия напрашивается для ситуации, когда письмо, челобитная, жалоба, прокламация подписывается «нулевым» именем.

Перед нами, в самом деле, «отсутствующая» подпись, такая же, как если бы под письмом стояли фамилии: Иванов, Петров, Сидоров¹¹ или подпись Иван Иванович Иванов. Это типичный *имярек*. Ища иноязычные аналогии для «нулевого» имени, типа *Иванов, Петров, Сидоров*, П. А. Клубков приводит имя *Джон Смит*¹² – в нашем случае по всем параметрам более точным аналогом оказался бы *Джон Доу (John Doe)* женск. род: *Jane Doe* – полицейское обозначение неопознанного лица (обычно, разумеется, мертвого тела, но и, скажем, человека потерявшего память и тем самым – личность, так сказать, «идентичность»). В свою очередь, довольно точным русским соответствием для этого американского персонажа мог бы быть *Иван, родства не помнящий* в его исходном значении и употреблении. То, что *Сидор* и тем более *Сидор Карпов(ич)* (едва ли нужно специально доказывать, что для крестьянства XVIII в. *Сидор Карпов* – это отчество а не фамилия, ср. ниже пример из Даля) – это то же, что *имярек*, сейчас уже вполне очевидно. Многочисленные примеры подобного употребления и для сочетания Сидор Карпович, и для имен *Сидор* и *Карп (Карпович)* собраны в статье В.Н. Топорова, основополагающей для нашей темы¹³. Кое-что (в основном для фамилии *Сидоров*) добавил П.А. Клубков¹⁴. Тем не менее, есть смысл снова дать краткий обзор имеющегося материала и несколько дополнить его. Мы не стремились исчерпать все ссылки в статье ВНТ, но некоторые, естественно, пришлось повторить, проходя заново тот же материал, а кое-что нам удалось добавить (возможно, не замеченное В.Н., а возможно, сознательно пропущенное им)¹⁵.

Начнем со старшего по времени примера, не самого характерного из приводимых, но в высшей степени актуального для нашей темы – и по времени, и по среде (раннего старообрядчества) цитируемого текста, это пример из «Повести о боярыне Морозовой»: «Блаженная же Феодора отвеща: “По милости божи и молитвами родителей наших, по силей нашей, убогий наш дом отверсты врата имяше к восприятию странных рабов христовых. Егда бе время, бысть и *Сидоры, и Карпы, и Меланьи*¹⁶, и Александры; ныне же несть от них никого же”» (Пространная редакция) «Блаженная же отвеща: “По милости божи и молитвами родителей наших, по силе нашей, убогий наш дом отверзсты врата имяше к восприятию странных рабов Христовых, и егда бе время, были Сидоры и Карпы и Меланьи и Александры; ныне же несть от них никого их”» (Краткая редакция)¹⁷. Ближайший по времени пример из «автобиографии» Ваньки Каина: «*Сидор да Карп* в Колмне живет» (ВНТ, с. 42)¹⁸ – к нему мы более подробно вернемся ниже.

Наиболее показательны примеры из прозы XIX века: «с нянькой Сидоровной и буфетчиком Карпом» (В. Соллогуб «Тарантас») «Кому ни продано <...> Сидору ли Карпу ли <...> не все ли равно» (Мельников-Печерский «На горах») и особенно «Сфинкс» Тургенева: «Ба! Да я узнаю эти черты <...> Да, это ты Карп, Сидор, Семен, ярославский, рязанский мужик, соотич мой, русская косточка» (все три примера – ВНТ, с. 43). Добавим к этому некоторые примеры (принадлежащие, как оказалось, исключительно авторам радикальных направлений разных периодов XIX века): «День в Москве» Полежаева: «Нет, Сидор Карпович, покорнейшим слугою / Прошу меня считать, но в дом к вам ни ногою, / Хотя б вы умерли, не буду никогда <...> Карету — и с двора. Я тоже замышлял; / Но Сидор Карпович тревогу прокричал: / “Куда, куда и вы?..”»; стихи Конрада Лилиеншвагера (Н.А. Добролюбова) в «Свистке» (№ 1, 1859) *Мотивы современной русской поэзии. 3. Мысли*

помощника винного откупа: «Еще откуп имеет поборников, / Но могу на него я восстать; / Генерал Сидор Карпович Дворников / Сам уж начал его порицать»¹⁹. Наконец, устное высказывание Г.С. Батенькова об убийстве Натальи Минкиной, зафиксированное в доносе, полученном гр. П.А. Клейнмихелем: «Не беспокойтесь! Если случай сей расстроил графское здоровье и силы, то вместо графа Алексея Андреевича [Аракчеева] найдется другой граф Сидор Карпович, и при нем, может быть, и нам еще лучше будет»²⁰.

Очень показательны данные интернета: кроме примера анкеты (на имя *Сидорова Сидора Карповича*)²¹, *Сидор Карпович* выступает здесь, в традиции нашего письма, как частая подпись (т. наз. «ник» - трудно сказать, сколько человек подписывается таким образом)²², особенно активно пользуются именем *Сидора Карповича*, как «имярека», журналисты так называемого правого направления²³. Ср. еще мемуары акад. А.Н. Крылова (здесь описываются предреволюционные или ранние послереволюционные годы): «Однородные предприятия располагаются поблизости одно от другого, как было лет 60 тому назад в Москве, когда телефонов не было, а были мальчики для побегушек. “Ванька, записку к Сидор Карповичу, живо, одна нога здесь, другая там”, – и Ванька стремглав несся к Сидор Карповичу»²⁴. Из текстов собственно литературных, хотя и разного уровня, см. пьесу А. Алешковского «Гайная доктрина»²⁵, стихотворение Виктора Бокова (скорее, примыкающее к обличительным примерам из прим. 21)²⁶, и – что особенно любопытно – «Педагогическую поэму» Макаренко, где второстепенный персонаж (бюрократ и обманщик) носит имя *Сидор Карпович Халабуда*²⁷ (заметим, что у Макаренко действие происходит в детской колонии, то есть, по существу, в тюрьме – часто забываемое обстоятельство). Еще несколько примеров будут упомянуты ниже в связи с соответствующими фольклорными текстами.

Остановимся также на одной модификации исходного имени отчества, которую В.Н. Топоров упоминает только в связи с современными примерами²⁸. Это форма *Сидор Поликарпович*. Если в XIX в. нам удалось найти только один (видимо, исходный и основополагающий для остальных) пример, а именно сказку В.И. Даля (Казака Луганского) «Сказка о похождениях черта-послушника Сидора Поликарповича»²⁹, на море и на суше, о неудачных соблазнительных попытках его и об окончательной пристройке его по части письменной»³⁰, то в литературе XX века и в повседневном употреблении их гораздо больше. В интернете *Сидор Поликарпович* (в полном согласии с этимологией: *Поликарп*)³¹ значительно превосходит своего исходного тезку, как в примерах более или менее литературных³², так и в бытовых³³ (ср. особенно использование этого имени в играх³⁴ анкетах³⁵, и анекдотах³⁶). Здесь анонимность имени эксплицитно обсуждается: «Ну какая мне на фиг разница, подписаны реплики “Арк”, “KLM”, “Гаврош” или еще как? Хоть “Петров Сидор Поликарпович, г. Углускрск (sic!), Центральный пр-т, д.5, кв.15 звонить 3 раза”. Ни более, ни менее анонимными они от этого не становятся»³⁷. Замечателен пример, где Сидор Поликарпович выступает не просто в роли «имярека», но в значении *неодушевленного* существительного, обозначая вещь, не имеющую обычного названия: «Но самый удивительный ответ работники КЦ услышали от команды *Черным по белому*. В качестве основного блюда в их рационе выступает “Сидор Поликарпович”. Так они называют некий тонизирующий порошок, название которого назвать затруднились»³⁸.

Число примеров значительно возрастет, если добавить к источникам «лагерную» прозу и мемуары. Именно это является, видимо, исходным и наиболее важным контекстом названной формы (чего в общем нельзя сказать о *Сидоре Карпыче*, несмотря на отдельные контексты – ср. ниже). *Сидор Поликарпович* – это прежде всего блатное, лагерное название интеллигентов (наряду с *Фан Фаныч*)³⁹. «В лагерных условиях, где борьба требует скорее всего рукопашной, и безоружным идти на автоматы, и ползти попластунски под обстрелом, они были Сидоры Поликарповичи и Укропы Помидоровичи, никому не страшные и ни к чему не годные»⁴⁰. Особенно интересные примеры дает проза Ю. Домбровского⁴¹. П.А. Клубков ссылается на приводимый в «Факультете ненужных вещей» бланк ОСО НКВД с именем «Иванова Петра Сидоровича»⁴², строго говоря, бланк

только описывается в рассказе А.И. Буддо («и он стал рассказывать»)⁴³, это обстоятельство важно, потому что это имя появляется несколько раз, но только в рассказах этого персонажа – тюремного стукача, «наседки»: «Вот пять часов продержали. “С кем вы вели еще антисоветские разговоры? Почему вы не назвали еще такого-то и такого-то, Петрова, Иванова, Сидорова?” <...> “Слушали: Об антисоветской деятельности Иванова Петра Сидоровича (год, место рождения). Постановили: Осудить за антисоветскую деятельность Иванова Петра Сидоровича (год, место рождения) на пять лет лишения свободы с отбыванием в Свиглаге” <...> Любой Гагарин именовался обязательно князем, а, скажем, Иванов Петр Сидорович считался выходцем из княжеской среды, если мать его была Гагарина. <...> “осудить Иванова Петра Сидоровича, выходца из враждебного класса, за его антисоветскую деятельность на 8 лет лишения свободы с пребыванием в лагерях Сибири или Дальнего Востока”»⁴⁴; тогда как *Сидор Поликарпович* (имя и персонаж) фигурирует в рассказе другого сокамерника (и тезки) Зыбина – Георгия Матвеевича Каландарашвили⁴⁵, и только в нем⁴⁶. В романе встречается и нарицательное (тоже изначально, кажется, лагерное, арготическое) употребление слова *сидор* ‘(вещевой) мешок’: «А ну-ка покажите мне этот сидор! Как? Не знаете, что такое сидор? Вот так следовательно. Мешок! Сумка⁴⁷! <...> А когда он будет развязывать сидор, вы будто омрачитесь»⁴⁸. Вся эта пенитенциарная тематика непосредственно напоминает и нашу ситуацию, хотя, повторяем, дело происходит не в тюрьме, но документ, из которого мы о нем узнаем – следственный, и тюремное заключение (как минимум, для следствия) является наиболее вероятной перспективой для всех участников.

В.Н. Топоров суммирует рассмотренные им примеры таким образом: «Во всех этих и подобных им случаях <...> *Сидор Карпович*, как наиболее полная («исходная») форма, а также *Сидор*, *Карп*, позже *Сидоров*, *Карпов* <...> употребляются в значении имярек, как обозначение некоего человека, человека вообще, человека-типа, квантора всеобщности (ср. *Иванов*, *Петров*, *Сидоров*)» (ВНТ, с. 43).⁴⁹

И этот вывод мы, видимо, вправе применить к ситуации старообрядческого письма: оно подписано «никаким» именем, принципиальным псевдонимом – *вместо* имен тех, кто в нем упомянут, и тех, кто его писал. Эта уловка должна была, вероятно, скрыть – хотя бы формально – настоящего автора письма и защитить запершуюся группу от хотя бы части возможных обвинений.

II

Можно, однако, пойти несколько дальше и обратиться к тем контекстам – ритуальным и игровым (в данном случае у нас есть довольно очевидные основания называть игровой контекст вырожденным ритуальным), в которых появляется имя (и персонаж) *Сидор Карпович* (текстов той же структуры и функции, но не содержащих собственного имени, мы коснемся в последнюю очередь).

В той или иной форме (и жанре) и с разной степенью полноты сюжет похорон Сидора Карповича представлен, во-первых, в играх (собственно, достоверно известна одна запись – вернее литературный пересказ)⁵⁰ и театральных действиях (фольклорная драма «Маврух», тоже, насколько нам известно, в единственной записи)⁵¹, во-вторых, в песне⁵² (по исходному контексту, несомненно, обрядовой – ср. ее совпадение со словесным текстом в игре, а также рассматриваемую ниже песню «Помер наш батюшка помер»)⁵³ и, в-третьих, в «прибаутке»⁵⁴, видимо, восходящей к песне (такое колебание в жанровом отношении известно, например, для формульных (кумулятивных) и некоторых других видов сказок, часто, как и в нашем случае, с диалогическим строением)⁵⁵.

По существу, мы не предполагаем ничего существенного добавить к анализу и выводам В.Н. Топорова, и в целом, и в той части, которая непосредственно относится к про-

блеме настоящей статьи. Однако некоторые особенности привлекаемого материала (отчасти также уже отмеченные им), на наш взгляд, заслуживают комментария.

Прежде всего, нужно отметить обилие чисто литературных отражений и свидетельств. Уже основной текст, анализируемый В.Н. Топоровым, взят из романа В. Крестовского (автора «Владимирки» и «Ваньки-ключника»); говоря о прибаутке из Афанасьева, он замечает «по сути дела этот же вариант представлен в “Юдоли” Лескова» (ВНТ, с. 32) – с той оговоркой, что в этом случае речь, несомненно, идет о песне, хотя в исполнении присутствует значительный элемент театрализации: «<...> он взял свою гитару о четырех струнах и велел покрыть себя простынею. И чуть только укрыли, так сейчас же из под простыни запели два человека: сначала пела очень слабая и печальная старушка, а ей бойко отвечал веселый старичок»⁵⁶ Если говорить о месте этого эпизода в «рапсодии» Лескова⁵⁷, то с судьбой певца, прозванного Пустоплясом (пошедшего в солдаты за плату вместо очередного рекрута – деньги при этом были украдены однодворцем, который по существу его и продал в солдаты)⁵⁸ он связан лишь самым общим образом – в той же мере, в какой рекрутская обрядность имитирует погребальную. Общая же тема этих «ретроспективных рассказов» – воспоминание о голоде неурожайного 1840 года – явно находит отзвук в мотиве нищенства, которым завершается песня о Сидоре Карповиче.⁵⁹

В «Лете Господнем» Шмелева песня о Сидоре Карповиче выступает как поминальная: «Василь-Василичу охота с нами, <...>Он провожает нас и говорит: <...> – Эх <...> помянул бы родителей!.. <...>– Евпраксеюшку-то забыл... Сидор-Карпыча?.. <...>Я спрашиваю – “это чего такое – Евпраксеюшка-Сидор-Карпыч?”. А это когда нашли Василь-Василича на Даниловском, два дни искали. Сидит <...> и рыдает-рыдает-поминает, старинную песенку чуть везет: Государь мой ба-тюшка, / Сидор Карпович.../ А скажи, родименький, / Когда ты помрешь!., / В се-реду баушка, в се-реду.../ В се-реду, Пахомовна-а, в се-э-реду-у... <...> А это он будто на протодьяконовой могиле убивается <...> А могилка-то оказалась не протодьяконова, а какого-то незнакомого младенчика Евпраксеи, – “жития ей было два месяца и семь дней”»⁶⁰.

Из современных отголосков можно упомянуть роман М. Успенского (автора, вообще ориентированного даже не на фольклор, а на фольклористику) «Чугунный всадник», где песня попадет в абсурдный квази-советский контекст на правах очевидной фольклорной цитаты: «Тут кстати на экране появился Кузьма Никитич Гегемонов: “...идя навстречу органам пищеварения... в свете требований метаболизма и обмена веществ... фондированное выделение желудочного сока... мобилизуя все имеющиеся ферменты... в килокалориях не уступает лучшим зарубежным... в десятки раз... следует держать в правой руке...сопровождая глотательными движениями... Государь мой батюшка! Сидор Карпович!! А чем же вы потчевать!!! Прикажете себя!!!!” Тут и дурак догадается, что ужинать зовут»⁶¹.

Особо нужно оговорить тексты, не прямо цитирующие, но в той или иной мере стилизующие песню, наиболее известный пример – стихи А.К. Толстого

«Государь ты наш батюшка,
Государь Петр Алексеевич,
Что ты изволишь в котле варить?»
– Кашицу, матушка, кашицу,
Кашицу, сударыня, кашицу <...>⁶²

Второе важное обстоятельство связано с жанровой принадлежностью нашего текста в его наиболее полных вариантах; естественно, что мы считаем таковыми прежде всего те варианты, в которых сочетаются (сохраняются) и словесный, и акциональный коды. Это тюремная игра, часть народной драмы «Маврух», упоминаемые, но никем не описанные детские игры, и – уже на правах широкого фона – разные святочные (и вообще календарные) игры в покойника, похороны и т.п., не содержащие теперь (или никогда не содержавшие) имени *Сидора*. Остальное – уже чистые словесные тексты, оторвавшиеся (диахронически говоря) от какого бы то ни было обряда.

В этих текстах, как мы уже видели на примерах имени *Сидора Карповича (Поликарповича)*, настойчиво обнаруживает себя тюремная тема. Если вариант Крестовского – это просто тюремная игра, то «Маврух» относится к той разновидности народных драм⁶³ (краткий текст, западный источник, малое число актеров), которые также появляются в тюремном контексте – ср. такой ближайший, как кажется, аналог как «Кедрил-обжора» (сюжет «Дон Жуана») ⁶⁴, который мы знаем только в двух записях с Омской каторги: Достоевского и его сосидельца⁶⁵. Трудно сказать, связано ли это с особенностями российской жизни – как мы видим, уже с XVII века – или с особой плодотворностью такой среды как тюрьма и армия для некоторых видов фольклора. Во всяком случае, как многие субкультуры, эта среда⁶⁶, может быть, не способствует специально сохранению архаизмов, но делает их более заметными для стороннего наблюдателя, т.к. может сохранять *другие* архаизмы нежели «основная» культура. Отчасти это применимо и к такой подсистеме, какую представляет собой старообрядчество (и на этом же основана иллюзия архаизма близких культур, например, детской – о чем специально писал Леви-Стросс)⁶⁷.

В тюремном контексте происходит функциональное переосмысление исходного обряда. Не пытаясь восстановить первичные функции такого ритуала, можно с некоторой долей уверенности сказать, что для исторического периода русской крестьянской культуры такой обряд должен был иметь календарную приуроченность. Как известно, в календарном цикле разного рода имитации похорон⁶⁸ имеют тенденцию распределяться так, что к святкам относятся различные *игры* с покойником (где роль покойника играет живой человек или – реже – мертвое тело), а к весне и лету – многочисленные ритуальные похороны, как правило, чучел или предметов⁶⁹, исключением являются, прежде всего, похороны Костромы, где Кострому может изображать человек (ср. ниже о песне из этого обряда). В тюремном быту обряд приобретает внешние признаки игры, «развлечения» («А что братца поиграть бы нам, что ли, как? <...> скука ведь!» – ВНТ, с. 33, разрядка В.Н.Топорова), теряет календарную приуроченность, однако, в действительности, он приобретает новую ритуальную функцию – инициации (причем весьма мучительной) нового обитателя камеры: «Вот и жильцу-то новому тоже скучновато, кажись, лежать без дела⁷⁰ <...> надо бы сперва, чтобы жилец присягу принял на верноподданство по [Литовскому] замку <...> Ну, это опосля! <...> сперва давай покойника отпевать!»⁷¹. Особенность игры в том, что «покойником» становится не жертва, а один из инициаторов игры («а упокойничком кого положим? – Да хошь тебя, жигана⁷² старого»), потом в ходе игры неопита силой укладывают на «покойника», и тот крепко держит его, пока другие стегают его жгутом⁷³. Этот принцип «игры от борта» характерен и для святочных игр (в частности «в покойника»), где жертвами становятся девки, а не парень, играющий покойника; ср. замечание Л.М. Ивлевой: «[И]нтерес игр ряженных в *козла, медведя, гуся* состоит не в подражании повадкам перечисленных животных, а в том, чтобы “подолы поднимать девкам” <...> “клубить их (девок – Л.И.) по полу” <...> “бодаться на девок” <...> “покумякать барышень” <...> “сперва посколблю свой нос как птушка, а тады ищу, кого долбануть”»⁷⁴. То же относится и к играм в «умруна».

К продолжению тюремной игры мы вернемся ниже, а сейчас нужно обратить внимание на драму «Маврух», в которую как одно из звеньев включен диалог Сидора Карповича с Пахомовной. Это текст, несомненно, довольно новый, восходящий к песне о Мальбруке⁷⁵, а, может быть, и к основанной на ней пантомиме⁷⁶; как это свойственно некоторым новым текстам, он цитирует или вбирает в себя образцы самых разных жанров. Эту полигенетичность отмечают и В.Н. Топоров («драма «Марух», представляющая своего рода комедию, усвоившую уроки так называемых “покойничких” игр, в частности святочных» – ВНТ, с. 35), и В.Я. Пропп: «В “Маврухе” мы имеем смешение элементов поздней солдатской комедии с элементами святочных игрищ, состоящих в комическом отпевании покойника»⁷⁷. Нужно, однако, оговорить, что отпевают не вообще покойника, а именно *Сидора Карповича*, причем в этом случае диалог ведется непосредственно между покойником и попом (в тюремной игре за покойника отвечала левая часть хора, а в других

текстах Сидор только собирается помирать («в среду»)⁷⁸. В драму входят и текст о Сидоре Карповиче, и исходная французская песня (с припевом, явно узнаваемым как французский): «Маврух в поход уехал, / Миротон-тон-тон, Миротень. / Маврух в походе умер, / Миротон-тон-тон, Миротень»⁷⁹ – и формула, характерная, прежде всего, для заговора, тут же снижаемая: «На море на окяне, / На острове на Буяне, / Около столба точёного / Веретна⁸⁰ золочёного / Стоял бык точёной, / В жопе чеснок толчёной». В финале неожиданно появляется морская тема с мотивом ожидаемого кораблекрушения, и в него вплетается цитата из погребального обряда: «Плачут, рыдают, / Смерти ожидают» (Стихира 8 глас 8: Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть и вижду во гробех лежащую по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну, бессалвну, не имующую вида»), подобно тому как в игре «Пахомушкой» появляется свадебный возглас «Исайя, ликуй»⁸¹. Однако интереснее всего, наряду с частью о Сидоре, «первые четыре строки этой комедии: “Чудак-покойник; / Умер во вторник, / Пошли хоронить / Он из окошка глядит”». В Вологодской губернии ходила загадка: “Покойник, покойник, Умер во вторник, пришел поп кадить, а он в окошко глядит”. Отгадка – хлебное зерно⁸². Эта же загадка имеет другую разгадку⁸³: яровое и озимь»⁸⁴. Однако это текст бытует не только как загадка, но и как элемент святочной «покойницкой» игры: «Покойник, покойник, / Умер во вторник, / Пришли кадить, / Он из-под савана глядит»⁸⁵. К теме зерна ср.: «Неужели для ветром зыблемой нивы нужен штамп, что эта нива произошла от зерна, лежавшего в амбаре Сидора Карповича» (А. Белый. Почему я стал символистом –ВНТ с. 43).

Нужно напомнить, что западное влияние и заметные инновации можно увидеть (в рассматриваемом материале) не только в «Маврухе», но и в игре, описанной Крестовским. По существу, в романе описаны две *разных* игры: «отпевать покойника» и «колокол лить», причем вторая вызвана только строптивостью «неофита». Сама игра: имитация колокола и колокольного звона, может быть, сколь угодно традиционной⁸⁶, но песня, которую поют арестанты, изображая звон, общеевропейская – несмотря на имена *попа Матвея* и *попадъи Маланыи*⁸⁷ – нашему поколению она более известна как «Братец Яков»⁸⁸ (франц. *Frère Jacques, Frère Jacques, / Dormez-vous, dormez-vous?*).

Разумеется, все упоминаемые здесь тексты, если мы восстанавливаем для них некое ритуальное прошлое, должны рассматриваться как вырожденные. Тем более интересно то обстоятельство, что продолжение этого процесса происходило почти на наших глазах: песня о Сидоре Карповиче превратилась в туристскую песню с зачином: «А когда померешь ты, / Милый мой дедочек?». Ответ деда содержит прямую цитату (или наследие, пережиток) из традиционной песни: «Во среду, бабка, / Во среду, Любка, / Во среду, ты моя / Сизая голубка».

Это прихотливое переплетение элементов традиции и инновации, также было отмечено В.Н. Топоровым: «Нужно заметить, что русские народные драмы, несмотря на их откровенно вырожденн[ую] форму, нередко заимствованный характер (“Царь Максимилян”) и чрезвычайную отзывчивость на злобу дня (обилие инноваций и легкость их введения в текст, импровизационность и т.п.), сохраняют вместе с тем и многие звенья архаичных схем» (ВНТ, с. 46). Это наблюдение весьма существенно, потому что в фольклористике последних десятилетий очень сильна тенденция за множеством инноваций вообще не видеть традиционных и архаичных источников фольклора. Это касается и самой общей постановки вопроса, и конкретных групп, этнических, субэтнических, конфессиональных и т.д. Для логики и проблематики настоящей работы существенно мнение об архаическом или инновационном характере старообрядческой культуры. Для прямолинейного мышления эти качества могут выступать только как альтернативные, так А.Б. Страхов иронически отзывается о «расхоже[м] убеждени[и]», что религиозная культура старообрядчества является своеобразным скопищем и кладбищем архаизмов. Мне же старообрядческая культура представляется по-своему (?) вполне мобильной и весьма подверженной произволу и инициативе ярких индивидуальностей – больше, чем православная «никонианская» культура с ее развитой церковной иерархией, бюрократической рутинной и жесткой

дисциплиной»⁸⁹. Замечу мимоходом, что контекст этих соображений очень показателен для работ последнего времени. Опровергая «измышления» традиционных этнографов или лингвистов (часто в своих советских проявлениях, действительно, анекдотические), обычно, каждое в отдельности, скептики молчаливо исходят из картины, в сущности, куда более неправдоподобной, чем любые «фантазии» мифологов: что с наступлением христианства и позже (в течение, скажем, XV–XVIII вв.?) была выработана полностью новая картина мира, новая традиция обрядов и быта (данные лингвистической компаративистики при этом вынужденно игнорируются – это не столь характерно для Страхова, разумеется)⁹⁰ полностью, как губкой с доски, стершая старую⁹¹. По степени правдоподобия эти положения напоминают этногенетическую теорию Погодина, по которой население Киевской Руси полностью переместилось в Московскую Русь, а на его место пришел (в историческое время!) какой-то новый этнический элемент, составивший нынешнее население Малороссии.

Разумеется, старообрядческая культура полна инновациями и даже индивидуальными изобретениями – как иначе она могла бы существовать в «аварийном режиме»⁹²? Однако, с нашей точки зрения, это никак не противоречит возможности сохранения в этой культуре архаизмов – прежде всего, *других* архаизмов, нежели те, которые выжили в культуре православных, и не обязательно потому, что они отвечали каким-то особенностям старообрядцев, их веры или быта, а просто потому, что в каких-то ситуациях и в какой-то мере эти два общества расходились, противопоставляли себя друг другу, просто различались.

Именно, исходя из этого, мы и считаем возможным, как было сказано в начале этого раздела статьи, сделать следующий шаг и применить к нашему случаю выводы из всего того материала, который мы лишь частично упомянули здесь вслед за работой В.Н. Топорова. Пропуская те звенья, которые не требуют нового комментария, мы процитируем один из выводов этой работы, напомним: «*Сидор Карпович*<...>, а также *Сидор, Карп*, <...> употребляются в значении имярек, как обозначение некоего человека, человека вообще, человека-типа, квантора всеобщности <...> Такой функции этого имени в синхроническом состоянии в исторически далеком прошлом должна соответствовать отнесенность этого имени <...> к конкретному воплощению – повторению мифо-ритуального персонажа, своего рода первочеловека (> “человек вообще”), во всяком случае – первого умершего, “первопокойника”» (ВНТ, с. 43). Итак, Сидор Карпович, в реконструкции, – это тот, кто первым испытал смерть, кто научился и научил других умирать (ср. блоковский эпиграф). Естественно предположить, что этим именем (хотя и в сниженном – социально – варианте)⁹³ не случайно подписано письмо самоубийц – тех, кто учится умирать и, сознательно или в силу неосознанной традиции, находит себе достойного учителя.

III

Можно сделать еще один – еще более гипотетический – шаг в интерпретации подписи Сидора Карпова. Коснемся еще одного текста, который в ВНТ упомянут мимоходом: «В ряде случаев безымянность объекта похорон вынуждает публикатора соответствующих текстов к некоторым натяжкам. Так, к циклу похорон Костромы относят выделяющийся в корпусе текстов и формально, и содержательно опус *Помер наш батюшка, помер! Помер родимый наш, помер* <...>⁹⁴ Разумеется, этот текст относится, строго говоря, к циклу похорон Сидора Карповича, хотя само имя этого персонажа не упоминается. что объясняется в значительной мере изъятием из текста диалогической структуры, провоцирующей, как правило. обращение по имени» (ВНТ, с. 36).

Речь идет о следующем тексте:

Помер наш батюшка, помер!
Помер родимый наш, помер⁹⁵
Клади его во гробочек,
Зарывали его во песочек,

«Встань батюшка, встань!
Встань, родимый, вздынься!»
Нет ни привету, нет ни ответу –
Лежит во гробочке,
Во желтом песочке.

Помер наш батюшка <....>
Приходили к батюшке четыре старушки,
Приносили батюшке четыре ватрушки:
«Встань, батюшка <...>

Помер наш батюшка<....>
Приходили к батюшке четыре молодки,
Приносили батюшке четыре совочка:
«Встань, батюшка <...>

Помер наш батюшка<....>
Приходили к батюшке четыре девчонки,
Приносили батюшке четыре печенки!
«Встань батюшка, встань!
Встань, родимый, вздынься!»
Ждем твою привету, Ждем твою ответу,
Встань из гробочка,
Встань из песочка!»

Ожил наш батюшка, ожил!
Вздынул родимый наш, встал!

Совершенно справедливо утверждение, что песня резко выделяется из цикла похорон Костромы, в высшей степени вероятно и то, что этот текст (диахронически) связан с похоронами Сидора Карповича, хотя, кажется, в этом цикле, в отличие от Костромы, нет текстов с воскресением. Однако полностью отрицать его принадлежность к календарной (летней) обрядности как будто не позволяют данные собирателя⁹⁶. Скорее всего ситуация объясняется переходом песни, первоначально относившейся к совсем иному обрядовому (>игровому) контексту, подобному Сидору Карповичу, ее приурочением (по тематической смежности) к обряду похорон Костромы (здесь – в виде чучела) в Петров день.

Однако сам текст представляет особый интерес. Статья о Сидоре Карповиче составляет только часть большой работы о похоронной обрядности⁹⁷. Во второй ее части рассматривается ряд сюжетов, объединенных под заглавием «О мифологизированных описаниях обряда трупосожжения и его происхождения у балтов и славян»; рассматриваемые здесь персонажи (Баба-Яга⁹⁸, Совий и Швинторог) представляют собой разные воплощения той же фигуры, первопокойника, первого существа, испытавшего смерть и способного научить людей (правильно) умирать. Из них *Совий* отличается тем, что с ним связано, прежде, всего установление погребального обряда: он испытал разные способы погребения: в земле, в колоде и сожжение, и остановился на кремации. С самого начала его смерть (самоубийство) вызвана была гневом на сыновей, которые съели 9 селезенок вопреки, добытых Совием. Известен этот рассказ только из вставки 1261 г., сделанной переписчиком русского перевода Хроники Иоанна Малалы: «Оуказъ же о поганскои прельсти сице, иже Совия Богомъ нарицают»⁹⁹. В контексте этих данных и названного круга работ В.Н. Топорова вполне можно предположить, что обрядовый текст, исполнявшийся на Петров день, можно рассматривать как очень разрушенный отголосок мифа о Совии (это тем более интересно, что исходное свидетельство о мифе, хотя и известно нам из славянского текста, но относится к балтийскому материалу). На фоне «опытов» Совия слова «Ждали его во гробочек / Зарывали его во песочек. / “Встань батюшка встань...”» – выглядят как зачин, провоцирующий на то, чтобы представить себе продолжение, в котором чередовались бы не возрастные группы приходящих к *батюшке* женщин, а способы погребения: в земле, в колоде, в огне. Здесь к нему приходят женщины трех возрастов (*старушки, молодки и девчонки*), приносят подарки и пытаются воскресить *батюшку* – сюжет, напоминающий календарные или хороводные песни о девице, которая выбирает с кем будет

спать: со старым, малым или ровней. В рассматриваемой песне, однако, побеждают «малые» (а не «ровня», как обычно). Все три группы женщин (своего рода фольклорные мироносицы) приносят предметы, прямо относящиеся к мифу о Совии: сначала приходят четыре *старушки* и приносят четыре *ватрушки* – еду (уместную для приношения покойнику), но этимологически связанную с *ватра* ‘огонь очаг’, *молодки* приносят *четыре совочки* – т.е. инструменты, прямо связанные и с именем Совия и (в традиции) с практикой трупосожжения (и глаголом *совать* – в его эротическом и ритуальном, погребальном смыслах)¹⁰⁰. Последняя, самая младшая группа, *девчонки*, приносит четыре печенки, и для них *батюшка* воскресает (встает). Возникает как бы завершение изначального сюжета: младшие (но не сыновья, а дочери) возвращают Совию (почти) ту же еду, которую в мифе съели его сыновья, и он соглашается вернуться к живым.¹⁰¹

Сидор Карпович как будто не обнаруживает особой связи с кремацией, напомним, однако, один из старейших примеров – из «автобиографии» Ваньки-Каина: «Сидор да Карп в Коломне живет, а грех да беда на кого не живет! вода чего не поймет а огонь и по па сожжет» (ВНТ, с. 42)¹⁰², и замечание к нему: «исключение составляет лишь высказывание Ваньки-Каина, которое обнаруживает отчетливо архетипический характер и связь с мифом и ритуалом, ср. вода, огонь, поп в связи с топикой приводившихся выше “похоронных” ритуалов» (ВНТ с. 43). В этом контексте, возможно, заслуживает упоминания и тот факт, что игра, описанная Крестовским, происходит в Литовском замке, которому предстояло сгореть в марте 1917 г.¹⁰³. Эти мотивы актуальны, однако, не только для «похоронных» ритуалов, но и для ситуации исетских самосожженцев. Разумеется, непосредственно возводить старообрядческие гари к обряду трупосожжения было бы наивно, однако осторожное предположение, что какие-то отголоски мифологемы, зафиксированной древнерусской письменностью, что в случае старообрядческой традиции является важным аргументом¹⁰⁴, могли как некий отдаленный подтекст актуализироваться в подписи Сидорки Карпова – не кажется нам невозможным. В этом случае подпись намекала не только на умение умирать, но и на прямую (и правильную) связь смерти с огнем.

¹ Первая часть статьи написана совместно, вторая – Г.А. Левинтоном.

² В связи с темой заметки напомним, что стихи Блока не являются текстом исключительно светским, об отражении именно в этом стихотворении христианской учительной литературы см.: Л. Флейшман. К интерпретации блоковского цикла «Заклятие огнем и мраком» // *Slavica Hierosolymitana*, vol. 1, 1977, с. 102–108; см. о нем также: В.Н. Топоров. Из исследований в области поэтики Жуковского: IV. Блок – Жуковский: К проблеме реминисценций // Там же, с. 87–94.

³ Далее в цитатах из следственного дела («Списки Тобольской архивы», цит. по.: Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. 8. СПб., 1862, с. 217–222), сохраняем орфографию источника.

⁴ Е.В. Романова. Массовые самосожжения в старообрядчестве (XVII–XIX века): практика и догматика. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2005, Приложение 6. Диссертация была защищена в Музее антропологии и этнографии 31 января 2006, одним из оппонентов был А.Ф. Белоусов. Другой соавтор был руководителем этой работы, его знакомство со старообрядческим материалом в свое время началось в непосредственном контакте с Александром Федоровичем (см. выше: От редакции П). На фоне недавних утрат нам также показалось уместной эта тема, так тесно связанная с именем Владимира Николаевича Топорова.

⁵ Речь идет, в частности, о тех письмах, которые самосожженцы выбрасывали увещателям и воинским командам.

⁶ Эта последняя формула повторяется в письме и в текстах официальных лиц.

⁷ Разумеется, это не очень хорошо сочеталось с представлением о Царе-Антихристе, возникшем уже при Алексее Михайловиче; один из старообрядческих вероучителей, содержащихся под арестом в Далматском монастыре (примерно в тех же местах, где возникло обсуждаемое письмо) отвечал спрашивавшим: «А что протолковано у вас на Алексея чувственным антихристом, мы не мним тако». (П.С. Смирнов. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898, с. 32). Это противоречие разрешалось именно через упомянутое старцем противопоставление «чувственного» и «мысленного» Антихриста. В первом случае Антихрист отождествлялся с конкретными лицами – Никоном, Алексеем Михайловичем, Петром, во втором он воспринимался более абстрактно и «понятие о лице антихриста было заменено понятием о признаке антихристового

времени» (*Там же*, с. 43). Этот последний аспект был более важным для сторонников самосожжений (в отличие, скажем, от старообрядцев, практиковавших самоизвет), поэтому апелляция к царю в их сочинениях вполне возможна. Именно этим Далматский узник опровергает тот аргумент, что Антихрист должен наречься царем: «А что царем нарицается антихрист, и то к мысленному антихристу разумей, - и не токмо земным, но и небесным нарицается ныне» (*Там же.*, с. 32) – хотя при этом оправдание самого Алексея Михайловича остается в рамках «чувственного» представления: царь не Антихрист, потому что Антихрист не он, а Никон: «Писано бо есть: кто учинится вместо Христа главою церкви Христовы, или кто построит церковь Соломонову, той есть антихрист. А он, Алексей, послушник его (т.е. Никона - прим. П.С. Смирнова), а не властитель, и поборитель в мучении его» (*Там же*, с. 32).

⁸ См.: *Е.В. Романова*. Массовые самосожжения в старообрядчестве (XVII-XIX века): практика и догматика. Автореф. дисс. <...> кандидата исторических наук. СПб., 2005, с. 25.

⁹ Эта фраза имеет странное продолжение: «потому, государь, что съ женами и съ д(л)тми, на мученіе итти не см(л)ем, до конца ихъ от насъ разлучать» – или здесь *мучение* означает как раз не смерть в огне, а муки принимаемые от властей?

¹⁰ Это важно отметить в связи с характером многих из приводимых ниже параллелей.

¹¹ *П.А. Клубков*. Иванов, Петров, Сидоров // Чужое имя (Альманах *Канун*, вып. 6), СПб., 2001, с. 273–293.

¹² Там же, с. 277.

¹³ *В.Н. Топоров*. Заметки по похоронной обрядности. IV. Об одном архаичном переживании: похороны Сидора Карповича // Балто-славянские исследования 1985. М., 1987, с. 31–48 (далее ссылки даются в тексте под сокращением: ВНТ). Ср. также: *Он же*. Похороны Сидора Карповича // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности: Погребальный обряд. Тезисы докладов. М., 1985, с. 107–115.

¹⁴ *П.А. Клубков*. Иванов, Петров, Сидоров, с. 288 – 291.

¹⁵ Ср.: 1 Петр. 1. 2: 7, Пс. 117: 22. Мы практически вовсе не касались многочисленных примеров имен *Сидор* и *Карп* порознь (ВНТ, с. 43–45, сн. 24), как и пересечений основной темы с именами *Пахом* (ВНТ, с. 46, сн. 41), *Макар* (с. 38, сн. 12) и *Иван* – последнее имя вообще очень интересовало Владимира Николаевича; по свидетельству близких людей (и собственному признанию), он не возражал и никогда не поправлял, если его называли Владимиром Ивановичем (по его объяснению «в некотором смысле мы все Ивановы»).

¹⁶ Об имени *Маланья* см. ниже.

¹⁷ Повесть о боярыне Морозовой. Л., 1979, с. 134, 168. ВНТ, с. 42.

¹⁸ См. еще: *E. Stenbock-Fermor*. The Story of Van'ka Kain // A.B. Lord (ed.) Slavic Folklore: A Symposium. Philadelphia, 1956, p. 61 (American Folklore Society: Bibliographical and Special Series, vol. 6).

¹⁹ Свисток: Собрание литературных, журнальных и других заметок. Сатирическое приложение к журналу «Современник» 1859 – 1863. Изд. подг. А.А. Жук, А.А. Демченко. М., 1982 с. 31. Ср. особенно комментарий ad loc. (А.А. Жук и Е.И. Покусаев): «*Генерал Сидор Карпович Дворников* – нарицательное обозначение начальственного лица, регулирующего “дозволенную смелость” русских либералов; оно привилось в кругах “Современника” и “Искры” (см.: Хроника прогресса – И<скра>. 1863, № 10, 15 марта, с. 139), этим именем Салтыков-Щедрин и Елисеев пользовались и много позже в своей переписке (ССЦ <М.Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч.: В 20 т. М., 1965- > т. 20, с. 296–297; Письма З.Г. Елисеева к М.Е. Салтыкову-Щедрину. М., 1953 с. 180–181)» (Там же, с. 447).

²⁰ Цит по: *Е.Е. Давыдова, Е.Э. Лямина*. Комментарий // Аракчеев: Свидетельства современников. М., 2000, с. 432 (Россия в мемуарах).

²¹ <http://szags.kaluga.ru/MainFrame/RU/Career/Tech/5resume/5.2.doc> Можно, видимо, заключить, что в триаде *Иванов, Петров, Сидоров* Иванова, в некоем идеальном случае, несомненно, зовут *Иван Иванович*, Петрова, может быть, *Петром Петровичем* (ср. *Петр Петрович Петух*), Сидоров же, – явно *Сидор Карпович*.

²² Например: «Анекдот рассказал(а) Сидор Карпович (sam@susam.be)» (<http://v1.anekdot.ru/anekdot-02-display.html?from=135&sort=1>) или <http://anekdot.org.ua/index.php?date=2004-09-26&type=story>, ср. ниже рассуждение об анонимности подписей.

²³ *Максим Соколов*. Березовский-конституционалист (Библиотека Правого Клуба): «Если бы автором текста был публичный политик Сидор Карпович, проблем бы вообще не было, и он был бы немедля востребован, но писал его публичный политик Борис Абрамович, и в том загвоздка» (<http://www.conservator.ru/lib/msokol/2000/067.shtml>). *Он же*. Полку отважных диггерш прибыло: «Будь это даже и не знатный Михаил Борисович, а всего лишь безвестный Сидор Карпович, никакой вменяемый адвокат о таком и помыслить не в состоянии» (<http://www.globalrus.ru/column/135721/>). *Он же*. Чудная корпорация: «[С]о всем этим можно соглашаться или не соглашаться, исходи оно от абстрактного Андрея Николаевича или Сидора Карповича. Если же учитывать занимаемую Андреем Николаевичем должность<...>» (<http://www.izvestia.ru/columnist/article974399>). Вот пример из текста, видимо, противника «правых»: «лидер СПС Б.Е. Немцов <...> видит граждан <...> бодрых и трезвых. <...>. Если же эпитет используется для характеристики конкретных людей (“Иван Иванович и Сидор Карпович – бодрые и трезвые”), богатство смыслов сужается, ограничиваясь простой констатацией того факта, что Иван Иванович не пьян» (<http://www.oilpress.ru/archive/517156.html>). Журналист Михаил Ивашин (газета «Никольское кольцо», Смоленск) опубликовал репортаж об избирательном эксперименте, в котором фигурировал вымышленный

«кандидат в депутаты Смоленского городского Совета 2-го созыва по 213 муниципальному избирательному округу Сидор Карпович Лошак-Мулов» (Славянские Новости (газета славянской партии), вып. 6, 2001, 1 декабря // http://www.slavonic.iptelecom.net.ua/slavnews/index.php?art_n=101&iss_n=6). Любопытный пример текста, политически нейтрального, но, тем не менее, обличительного: «<...> Из уездного города N. в столицу нашей Родины Москву прибывает поездом начинающий певец Сидор Карпович Иванов <...> И с этого момента С.К. Иванов - уж более не Сидор Карпович, а модный исполнитель <...> со сценическим именем Лейбниц» (Авторская страница музыкального журналиста <...> Всеволода Баронина. Как не стать звездой // http://www.diskobol.ru/misc/graf/ne_showbiz.htm), этот сюжет представлен на многих сайтах, в том числе и в беллетризованном виде (*Отчет о концерте певца Лейбница (Отрывок из книги "Девушка с бутылкой пива")*) // <http://www.totalmetal.ru/forum/read.php?f=1&i=21728&t=21728&v=f>).

²⁴ А.Н. Крылов. Мои воспоминания. Командировка за границу // <http://base13.glasnet.ru/text/krylov/234.htm>
Отметим еще: «Нічого робить, стали ми годувать воли, а тут прийшов Сидор Карпович — він підрядився в Розлогах, у Херсонщині, строїть церкву і ото попросив мене поїхати з ним у Кременчук лісу купувати» (<http://www.ukrcenter.com/Library/read.asp?id=969&page=9>). Не исключено, что в списке примеров могут попасться и реальные носители этого имени, например на сайте «Кіровоградський Державний Педагогічний Університет ім. Володимира Винниченка»: «Директором інституту було призначено Сидора Карповича Колюка, який очолював вуз з 1936 року». (http://mysite.com.ua/xdem6465/pagesxdem6465/3_2.html).

²⁵ «На пороге комнаты, за спиной растерянной жены, стоят двое скромных, но одетых в дорогие костюмы молодых людей с кожаными портфелями. Это - ВИКТОР и АРНОЛЬД. АРНОЛЬД (торжественно улыбаясь). Сидор Карпович! Вы выиграли приз корпорации «Брайт Паст»! Сидор Карпович тупо смотрит на них. Виктор и Арнольд продолжают улыбаться. СИДОР КАРПОВИЧ (мрачно). Проваливайте! Ничего покупать не буду!» (http://old.computerra.ru/online/firstpage/bl/11429/for_print.html).

²⁶ «Сидор Карпович, Сидор Васильич, / Сидор Лазаревич у корыт. / Не измаялись, не износились, / Каждый что-то украсть норовит!» (газ. РФ сегодня. 2004, № 17, http://www.russia-today.ru/2004/no_17/17_end_1.htm).

²⁷ Не отсюда ли многократно повторенная в интернете «частушка»: «Сидор Карпович, завхоз, / Знает много всяких поз, / Но не кажет ни одной / Никому без накладной». (<http://www.max.az/chastushki-4-37.html>).

²⁸ Здесь, видимо, какое-то недоразумение, у Ю. Домбровского мы этих примеров не обнаружили, и найти их источник не удалось. Более того, в этих цитатах (ВНТ, с. 43, сн. 23) Сидор Поликарпович обозначает мужиков, крестьян, тогда как у Домбровского это сочетание, в соответствии с лагерным узусом, всегда означает интеллигента (см. ниже).

²⁹ В доносе Булгарина «[в] сказке о похождениях черта автору вменялось в вину <...> то, что он назвал черта «именем православного христианина»» (М. П. Алексеев. Незамеченный фольклорный мотив в черновом наброске Пушкина // М.П. Алексеев. Пушкин и мировая литература. Л., 1987, с. 464 (со ссылкой на: П.И. Мельников. Воспоминания о Дале // Русский вестник, 1873, № 3, с. 298). Здесь же (с. 464–466) полемика с И.П. Лупановой о фольклорных источниках сказки (И.П. Лупанова. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск, 1959, с. 361, 337). Не знаем, отмечен ли отголосок этой сказки Даля или, во всяком случае, этой темы в «Сказке для детей» Лермонтова: «Иль мелкий бес, из самых нечиновных <...> если б им была дана / Земная форма, по рогам и платью / Я мог бы сволочь различить со знатью» (М.Ю. Лермонтов. Полн. собр. соч.: В 4 т. М.; Л., 1947, т. 2, с. 126-127, *Он же*. Сочинения: В 6 т. М.; Л., 1955, т. 2, с. 173–174).

³⁰ Русские сказки, из предания народного изуственного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные казаком Владимиром Луганским. Пяток первый. СПб., 1832. Отметим (в связи с формой *Сидорка Карпов*), как выглядит подпись черта под донесением: «Остаемся усердствующим ко соблазну общему служителем и послушником вашим *чертом Сидором Поликарповым*» (курсив автора), цит по:

http://publ.lib.ru/ARCHIVES/D/DAL'_Vladimir_Ivanovich/_Dal'_V._I..html

³¹ Кстати, и само имя *Карп* в игровом / ритуальном контексте псевдопохорон (смерти–воскрешения) направляется, конечно, на «аграрную» (карпогоническую) интерпретацию.

³² См. например: Г. Аграновский. Фантастическая история про Сидора Поликарповича: «Давным-давно в одной стране, которой правил мудрый старец, увешанный за свои деяния орденами и медалями, жил ничем не выделяющийся человек, которого звали *Сидор Поликарпович*. Однажды его вызвали в горком партии на личную беседу с секретарем ЦК партии *Иван Ивановичем*. <...> Внук *Иван Ивановича* – Алеша <...> Лешка-блинчик, по фамилии Шоколадкин. Ну, вот я и назвал вам фамилию И.И. хотя вряд ли Шоколадкин была его настоящая фамилия. Скорее всего, его фамилия была *Иванов*» (www.proza.ru/texts/2004/06/03-57.html) <http://www.proza.ru/texts/2004/06/03-57.html>) в интернете имеется и другой вариант: «Давным-давно <...> жил Сидор Поликарпович. Больше всего на свете он любил пить водку и закусывать ветчиной с батоном» (<http://www.liveinternet.ru/showjournal.php?journalid=54077&keywordid=65598>) и метатекст: «Решил переделать рассказ *Как Лешка летал на луну* и убрать из него практически всю политику. Поэтому Сидор Поликарпович познакомится с ученым без посредников из КПСС» (*Там же*), а также: «Неожиданно я вспомнил друга детства Лёшку, который мечтал полететь на луну.<...>. А Сидор Поликарпович - герой народных баек» (Журнал «Самиздат». Фантастика. // zhurnal.lib.ru/janr/index_janr_name1-1.shtml - 84к - 4 авг 2006), со-

всем любительские примеры см.: М. Барыков. Трофейные часы // Восточно-Сибирская Правда, 2000, 6 мая, № 90-91 (23719--23720) <http://www.vsp.ru/23720/92-5-1.HTM>; а также: <http://hghltd.yandex.com/yandbtm?url=http%3A//www.express>; http://gariga.boom.ru/rootRiga/view_article.html; <http://owh.narod.ru/erotic.htm> ;

³³ «Обязательно нужно создать базу данных всего армейского начальства, которое мы окормляем, чтобы в военном отделе знали, что, например, в этой части начальник Иван Петрович, а в этой — Сидор Поликарпович» (Выступление Предс. Отд. Моск. Патриархата <...> прот. Дм. Смирнова на сборах священнослужителей http://www.pobeda.ru/informbureau/ryazan/vistuplenie_predsedatelya.html); «[Россия] не нуждается в нескольких тысячах эмигрантов.<...> Но, если взять всех в отдельности, она также не нуждается в тамошнем Петьке, Ваньке или Сидоре Поликарповиче» (Скауты-разведчики России Central Web Site <http://www.scouts.ru/static/opyt/index.php?file=op029/pp029.htm>); «В питерском бомонде, <...> теперь не принято прерывать совещание ответом на звонок “трубки” (бывшая “мобила”), или даже отключать ее... Трубка отдается секретарше (!) и уже она доброжелательно, но строго говорит вполголоса, что Сидор Поликарпович на совещании» (http://lit.lib.ru/o/osanches/text_0290.shtml); «Отняли корову у Ходорковского. Кому ее отдали? Путину? Или поделили по частям: Сидору Поликарповичу, Ивану Петровичу, у которых когда-то забрали за бутылку водки?» Российская панорама на канале RTVI http://www.rtvi.ru/anons/i/rsp136_3_a; «<...> иногда думаешь “каа-а-аззел!!!”, а говоришь “да, Иван Иванович, как скажете, Сидор Поликарпович”» <http://www.piknik.info/FORUMS/lofiversion/index.php/t112-150.html>; «Сидор Поликарпович, а Вы уверены, что это лучший способ заставить работать наш компьютер без глюков?» <http://love.ngs.ru/user/marrio/?fid=60870>;

³⁴ В одной игре в качестве примера участника фигурирует: «Завскладов Сидор Поликарпович» (<http://www.moneymania.ru/person.html?16684>) не произошел ли он от «завхоза Сидора Карповича» из цитированной выше частушки?

³⁵ «Профиль пользователя: Сидор Поликарпович» (Всероссийская организация «Чёрная Сотня». <http://www.sotnia.ru/forum/profile.php?mode=viewprofile&u=607&sid=4dba53eea2258eb4eac79027471759f5>); о визитной карточке, или, по мнению авторов: *визитке*: «Для людей не знающих, или забывших, что это такое, дополнительно сообщаем, это – прямоугольный кусочек картона, на котором крупными буквами написано: “Товарищ Пупкин Сидор Поликарпович – Президент компании <...>”» (<http://www.pechati.com/info/catalog/vizitki/75.html?162600944306034767d0>); «И НИ ОДИН (насколько я вижу) человек не отписал <...> три простейшие строчки: 1. Сидоров Сидор Поликарпович 2. Номер заказа <...> 3. Установка там-то, обрыв на 5000 км. И ВСЁ.» (<http://www.pusto.ru/blacklist/70916.html>).

³⁶ «Звонок:

- Алло?

- Добрый день, а Сидор Поликарпович дома?

- Да, еще дома, но венки уже вынесли!» (<http://forum.elima.ru/?theme=91>)

³⁷ Ваше мнение <http://gb.anekdot.ru/vm.html?count=0&file=v990405.txt>

³⁸ <http://2005.expedition-trophy.ru/readNews.asp?cid=14361>

³⁹ В рассказе В. Попова «Фаныч» это имя носит, наоборот, «анти-интеллигент» (здесь нужно, вероятно, учитывать еще такую реалию как *фановая труба*).

⁴⁰ А.И. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования: В 3 т. / Ред. В.В. Михальский, В.М. Борисов. М., 1989, т.2, с. 317. «На приисках лом называли “длинным карандашом”, и блатной бригадир, обращаясь к интеллигентного вида доходяге, с иронией наставлял его: “Ты, Сидор Поликарпович, на воле, вероятно, бухгалтером работал. Так бери свой длинный карандаш и долби мерзлую колымскую землю”» (И.И. Павлов. Потерянные поколения. Журнал “Самиздат”:

<http://www.rastafari.ru/liter/lostgen2.htm>); «А возле нас двое уголовников <...> демонстративно минут по пять отдыхали, насмешливо поглядывая на нас, и обменивались обычными шуточками насчет важных Укропов Помидорычей и бравых Сидоров Поликарповичей» (С. Снегов. Язык, который ненавидит. М., 1991.

http://www.russiantext.com/russian_library/2006/Snegov.doc); «Тогда с верхних нар свесились головы наших “политиков” и пошли сочувствия<...> и тому подобные рассуждения, на которые мастаки вшивые интеллигенты, особенно русские, из той категории, которых лагерники называют Фан Фанычами и Сидор Поликарповичами» (П. Соколов. Ухабы <http://memorial.krsk.ru/memuar/sokolov/56.htm>);

«Петя Данилогорский — персонаж лагерного фольклора, из компании Сидора Поликарповича и Укропа Помидоровича». (И.А. Мазус. Где ты был? Короткий роман в рассказах и записях разных лет. М., 1992 http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/auth_pages.xtмл?Key=5939&page=122).

Вот примеры, примыкающие к этому: в первом речь идет о жаргоне карманных воров (откуда слово *володя* ‘жертва карманника’): «Но, в самом деле, поговорим подробнее о ситуациях, в которых какой-нибудь Сидор Поликарпович вдруг превращается в несчастного “володю”» (http://www.zona.com.ru/z5/news_1.shtml), «Представим себе: из подъехавшей к магазину крутой тачки вываливается компания подвыпивших субъектов, готовых оскорбить общественность словом и действием. Не тут-то было - к ним решительно направляются с повязками на рукаве Сидор Поликарпович и Укроп Помидорович и *требуют соблюдения общественного порядка, проверяют документы, выявляют их личность и доставляют в отделение мили-*

циш!<...> То есть, не будь Сидором Поликарповичем и понимай, от кого можно требовать *соблюдения*, а кого лучше обходить стороной». (Ю. Хорват. Второе пришествие народных дружин // Портал социал-демократической политики (old.psdpr.ru/docs/news/look/5449.html). Любопытный пример, сам по себе не лагерный, и не содержащий ссылки на лагерный быт или язык, но по существу, ориентированный именно на них: «Дикие варвары просто зарежут и съедят, а культурные будут называть вас на вы: “Вам, Сидор Поликарпович, сегодня хлеба нет, а на работу идите”» (Письмо на радио «Свобода».
<http://www.svobodanews.ru/article.aspx?exactdate=20060701173515447>).

⁴¹ Проза Домбровского вообще обещает богатые результаты тем, кто займется ей с точки зрения переключек с литературой XIX века. Она явно содержит многочисленные отголоски цитатных тем, лейтмотивов русской и европейской литературы – их продолжения, но по интенции, видимо, завершения (иногда пародийные), ср. хотя бы в «Хранителе древностей»: «<...> к ним приходил и Добрыня-Ротатор, а иногда я слышал его могучий лекторский голос с великолепными вибрациями и переливами. Порой доносилась и какая-нибудь особенно мудрая фраза, афоризм, которому суждено стать пословицей в веках. Например: “Когда я увидел в первый раз Исаакиевский собор, я сказал: ‘Да, это окаменевшая соната’”, или еще круче: “Вавилон погиб, потому что задумал дотянуться куполом до Бога. Но наши флаги и вышки врежутся уже в *пустое небо*”». Ср.: «На мутных ресницах Исакий замерз» у Мандельштама и тему *пустого неба* у Жан-Поля, Нерваля, Пушкина, и Мандельштама («Неба пустую грудь / Тонкой иглоу рань»). «Вы вспомните, как Вам свидетели отвечают <...> От угодливости и преданности аж по носу пот течет. *Подлость по всем прожилкам гуляет!*» (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Paris, 1978, с. 431), ср. слова Пушкина после случайной встречи с Николаем I в Царскосельском парке: «Черт возьми, почувствовал подлость во всех жилах!» (Разговоры Пушкина / Собр. С. Гессен, Л.Моззалева. М., 1929, с. 168). «Не то что мы, совслужащие, *люди эпохи Москвошвея*» (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей, с. 433).

⁴² П.А. Клубков. Иванов, Петров, Сидоров, с. 289.

⁴³ Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей, с. 159,

⁴⁴ Там же, с. 157, 160, 162

⁴⁵ Этот рассказ стоит процитировать полностью, поскольку он описывает тюремную (лагерную) театрализованную сценку, представляющую своеобразную параллель к рассматриваемой ниже тюремной игре: «Вы никогда не слышали про Сидора Поликарповича и Фан Фаныча? Ну в лагере вам и расскажут и покажут. Это мы с вами – культуртрегеры и интеллектуэли! Те, что по помойкам лазают и о рыцарях духа говорят. Ах ты... – Он что-то сглотнул про себя. – У блатных даже есть замечательная сценка об этих самых господах. Но это надо уметь рассказывать! Я не умею. *А среди блатных попадаются такие актеры!* Таких и в МХАТе сейчас не найдешь. *Вот они бы вам изобразили!*

– Так вы *хоть перескажите*, – попросил Зыбин. – Ведь это, наверно, очень интересно.

– То есть это страшно интересно! Животики надорвешь, как интересно! *Но на это надо особый талант*. – Он подумал. – В общем так. Фан Фаныч – значит, вы – уходите на работу и просит Сидора Поликарповича – значит, меня – сохранить до его прихода па-ечку! – Старик произнес это слово размяченным, дрогнувшим от нежности голосом. – Приношу я ее и говорю: “Сидор Поликарпыч, разрешите, будьте добры, оставить у вас паечку”. – “Пожалуйста, пожалуйста, Фан Фаныч”. Прихожу с работы: “Здравствуйте, Сидор Поликарпыч, как вы себя чувствуете?” – “Благодарю вас, Фан Фаныч, прекрасно, прекрасно...” – “Ну и слава Богу, разрешите-ка мою паечку”. – “Вы знаете, Фан Фаныч, я вдруг ощутил такой голод, что съел ее”. – “Как же так, Сидор Поликарпыч, пайка-то моя”. – “Я убедительно прошу меня простить”. – “Да на кой хрен мне ваша просьба, что я ее себе в задницу, что ли, засуну? (Говорят, конечно, крепче.) Давайте пайку – вот и все”. – “Не кричите на меня, будьте любезны, Фан Фаныч”. – “Да я вас сейчас в рот употреблю (крепче, крепче, конечно), Сидор Поликарпыч!” – “Я вас сам туда же, Фан Фаныч”. – “Сосали бы вы, Сидор Поликарпыч...” – “Сами сосите, если голодны, Фан Фаныч”. Ну и драка, и волосы летят, – старик опять зло и даже как-то мстительно захохотал» (Там же, с. 367 – курсив наш Г.Л., Е.Р.).

⁴⁶ Отголосок этого имени появляется в самом начале романа: «А однажды с одним из рабочих экспедиции приключился настоящий солнечный удар. Вот поднялся-то шум!<...> Ведь это значит, что пока мы тряслись над *этим Поликарповым*, кто-то уже успел сгонять в правление (Там же, с. 11–12). Кроме того, имя в полной форме появляется в рассказе «Из записок Зыбина»: «Нары вверху надо мной закрипели, кто-то резко сел или лег и сказал со злым восхищением: “Вот ведь Сидоры Поликарповичи, и нашли где баланду разводить!” <...> “Ну что, Сидор Поликарпович, – спросил он громко и злорадно. – Насмотрелись? Понравилось?”» – и в эссе «Записки мелкого хулигана»: «“Я-то знаю, за что сижу” – в тюрьме это очень гордые слова. Они всегда бросаются в лицо “Фан Фанычам” и “Сидорам Поликарповичам”»

(http://www.filipark.ru/lib/PROZA/DOMBROWSKIJ/huligan.txt_Piece40.03).

⁴⁷ В романе предмет описан как «туго стянутый узел – красный платок в горошек» (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей, с. 401)

⁴⁸ Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей, с. 403. У В.Н. Топорова упомянуто другое нарицательное производное: «*сидоры* ‘коблы’ (т.е. Сидор и Сидора)» как компрессия формы *Сидор-Марья* ‘гермафродит’. *Сидор* в ряде контекстов, в том числе игровых или ритуальных актуализирует значение *мужского* имени, изредка оно, видимо, приобретает и коннотацию специфически *русского* имени (ср. выше цитату из

«Сфинкса» Тургенева, а также, может быть, пример из форума «черной сотни»). Об инцестной теме, относящейся к Сидору (ср. особенно святочную песню – ВНТ, с. 48, из: Поэзия крестьянских праздников / Вст. ст. подг. и прим. И.И. Земцовского. Л., 1970, № 340 (Библиотека поэта. Большая серия)) и об отголосках Основного мифа в сюжетах, связанных с Сидором, мы здесь говорить не будем, так же, как о близкой – и упомянутой в статье – теме сказок о похоронах (ВНТ, с. 46–47, сн. 31).

⁴⁹ Ср. также *П.А. Клубков*. Иванов, Петров, Сидоров, с. 288–289.

⁵⁰ ВНТ, с. 33–34 полностью воспроизводит эпизод в «Петербургских труппах» В. Крестовского (ч. 4, гл. 8) – кроме многочисленных изданий последнего времени см.: <http://lib.aldebaran.ru>.

⁵¹ [*Н.Е. Ончуков*]. Северные народные драмы / Сборник Н.Е. Ончукова. СПб., 1911, с. 135–137 (№ IX); Фольклорный театр / Сост., вст. ст. и комм. А.Ф. Некрыловой и Н.И. Савушкиной. М., 1988, с. 48–51.

⁵² Например: *М.Д. Чулков*. Новое и полное собрание Российских песен, ч. 3. СПб., 1773, с. 129, № 127 (*Он же*. Собр. соч., т. 1, СПб., 1913); *П.В. Шейн*. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п., т.1. в. 1, СПб., 1898, № 1010. Последний цитируется ВНТ (с. 41 сн.20) и, например, Е.И. Прохоровым (см. ниже о литературных свидетельствах).

⁵³ Поэзия крестьянских праздников, № 630.

⁵⁴ *А.Н. Афанасьев*. Народные русские сказки, т. 3, М., 1985, № 533: «Государь ты наш Сидор Карпович, много ли тебе от роду лет?» — «Семьдесят, бабушка, семьдесят, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, когда ты умирать будешь?» — «В среду, бабушка, в среду, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, когда ж тебя хоронить будут?» — «В пятницу, бабушка, в пятницу, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, чем тебя поминать будут?» — «Блинами, бабушка, блинами, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, во что после тебя позвонить будет?» — «В сковороду, бабушка, в сковороду, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, много ли у тебя детушек?» — «Семеро, бабушка, семеро, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, чем после тебя поить-кормить будет?» — «По миру, бабушка, по миру, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, по миру ходить — зима студена!» — «В лапотках, бабушка, в лапотках, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, по миру ходить — собаки съедят!» — «С палочкой, бабушка, с палочкой, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, по миру ходить — не во что милостыню класть!» — «В сумочку, бабушка, в сумочку, Пахомовна!»

⁵⁵ Ср. напр.: *А.И. Никифоров*. Народная детская сказка драматического жанра // Сказочная комиссия в 1927 году: Обзор работ. Л., 1928, с. 49–63.

⁵⁶ *Н.С. Лесков*. Собр. соч.: В 11 т., т. 9, М., 1958, с. 273.

⁵⁷ Так определяет «Юдоль» Лесков в послесловии: «О “квакереях” (Post-scriptum к “Юдоли”»)» (Там же, с. 313).

⁵⁸ Этот эпизод (Там же, с. 274–279) сопровождается большим этнографическим примечанием о практике «наемных заместителей рекрутов» и их статусе.

⁵⁹ К теме холода и голода – на примере варианта Шейна – В.Н. Топоров приводит параллель из Некрасова, синтаксически близкую к песне: «Холодно, странничек, холодно / Холодно, родименький, холодно» (ср. и цитируемые несколько ниже стихи А.К. Толстого), подобные конструкции у Некрасова нам еще придется вспомнить в связи с другой песней.

⁶⁰ *И.С. Шмелев*. Лето Господне. Праздники – радости: Радуница.

http://www.fictionbook.ru/author/shmelev_ivan_sergeevich/leto_gospodne/shmelev_letogospodne.html

⁶¹ *М. Успенский*. Чугунный всадник <http://uspenskij-mihail.dipenton.ru/cont/horseman/6.html> Кроме того, текст о Сидоре Карповиче (по Афанасьеву) используется как Пролог (функционально – присказка) в пьесе В. Красовского «Дурацкая сказка: Прибаутка по мотивам русских народных анекдотов из собрания А.Афанасьева» <http://krasovladimir.narod.ru/drama3.htm>: «Два скомороха начинают свое представление - гудят в гудки, гремят в погремушки, <...> потом Первый надевает платочек и превращается в БАБУШКУ ПАХОМОВНУ, а Второй - в старичка СИДОРА КАРПОВИЧА. Почему? ..Ну надо же с чего-нибудь начать, публику потешить, себя показать. <...>- Государь ты наш, Сидор Карпович, много ли тебе от роду лет? <...>». Поскольку в задачи нашей статьи входит и попытка дать некоторый обзор: «Сидор Карпович в интернете», то упомянем также песни из сборника Чулкова напр. <http://gm731.narod.ru/> и другие варианты <http://pesny-slavian.narod.ru/20.htm>; любопытно что песня упоминается и некоторыми певцами: «мне больше интересен текст. Встречаются абсолютно сумасшедшие тексты. Ну, к примеру, “государь мой батюшка/Сидор Карпович/а когда ты, батюшка, прикажешь помирать?”»

(<http://muzzone.yuga.ru/interview/show/?id=44>); Ирина Линдт и Валерий Золотухин “Государь мой, батюшка, Сидор Карпович”. (из спектакля “Товарищ, верь!”). Клуб Зрителей Таганки: Звуковиды (<http://zritelclub.narod.ru/zvukovidy.htm>).

⁶² *А. К. Толстой*. Полн. собр. стихотворений: В 2 т./ Сост подг. и прим. Е.И. Прохорова. Л., 1984, с. 134–135, комм. 519–521 (Библиотека поэта. Большая серия). Источник указан по сб. Шейна, в предыдущих изданиях указан не был. По этой же диалогической модели построено стихотворение, видимо, поэтому долгое время приписывавшееся А.К. Толстому – «Федорушка» (см.: *А.К. Толстой*. Полн. собр. стихотворений / вст. ст., ред. и прим. И.Г. Ямпольского. Л., 1937, с. 668–670 (Библиотека поэта).

⁶³ Говоря о народной драме, следует напомнить, что и в «Царе Максимилиане» в непочтительной реплике Адольфа, в которой фигурируют помянутые Пушкиным *три Матрёны* («Я на твой трон посажу трех Матрен / Луку с Петром, / Гришку-калашника), иногда появляется и *Сидор*: «На твой трон посадить трех Матрен / Да Луку с Петром, / Дедушку Сидора да мерина сивого» (цит. по: *Н.И. Савушкина*. Русская народная драма: Художественное своеобразие. М., 1988, с. 141). Заметим, что и *Лука*, и *Петр* имеют свои воплощения в растительном («овощном») коде (*лук* и *петрушка*), о чем было неоднократно написано; ср. в нашем контексте с *Укропом Помидорычем*. В «Царе Максимилиане» есть и персонаж *Маланья* – жена гробокопателя.

⁶⁴ *Кедрил*, как известно, из *дон Педро* под влиянием имени шута Анны Иоанновны *Педрил/Педрилло* (современных фонетических ассоциаций это имя, вероятнее всего, не вызывало).

⁶⁵ Русская народная драма XVIII–XX веков / Ред., вст. ст. и комм. П.Н. Беркова. М., 1953, с. 105–110, 326–328.; *Ф.М. Достоевский*. Записки из мертвого дома // Ф.М. Достоевский. Полн. собо. соч.: В т. 4, Л., 1972, с. 125–127 (вся театральная глава – с. 116–130); *Ш. Токаржевский*. Достоевский на Омской каторге // Звенья, в. 6, Л., 1936, с. 509–510.

⁶⁶ Которую не следует считать типологически архаичной (а такие попытки делались), см. об этом: *Г.А.*

Левинтон. Насколько «первобытна» уголовная субкультура // Советская этнография. 1990, № 2, с. 96–100.

⁶⁷ См.: *C. Lévi-Strauss*. The Elementary Structures of Kinship, Boston, 1967, p. 84–97.

⁶⁸ Общий их обзор см.: В.Я. Пропп. Русские аграрные праздники. Л., 1963, с. 67–104.

⁶⁹ Ср.: *Г.А. Левинтон*. Статьи из энциклопедии // Труды факультета этнологии ЕУ СПб, в. 1. СПб., 2001, с. 248–249 (статья *Чучело обрядовое*).

⁷⁰ Ср. в следующей реплике (обращенной к новичку) прямое указание на функцию инкорпорации: «А после игры уже баста дичиться! <...> Тогда мы все с тобой милыми дружками будем» (ср. формулировку В.Н. Топорова: «описани[е] “развлечений” которым предаются <...> арестанты тюремного Литовского замка<...> по случаю появления в камере нового жильца», ВНТ, с. 33). К современным типам инкорпорирующих ритуалов (в армии, тюрьме) ср. реплику одного из участников игры: «Вот, ведь, оно тиранство – а люблю! <...> Право люблю! Меня самого еще куды тебе жутче тиранили! Пушай и другой знает, каково оно жарко!» (ВНТ, с. 34).

⁷¹ Заметим, что, в отличие от песни и прибаутки, здесь говорится не о будущей, а об уже совершившейся смерти Сидора Карповича (реплика «Попа»: «Умер родимой наш, умер наш Карпович» и затем «правый клир» сразу: «Государь ты наш батюшка, Сидор Карпович, как тебя, сударь, прикажешь погребать? <...> В гробе, батюшки, в гробике <...> дружно откликнулась левая сторона»). Реплика попа также напрашивается на сопоставление с Некрасовым: «Умер, Касьяновна, умер, сердешная, / Умер и в землю зарыт! <...> Умер, Касьяновна, умер, голубушка <...> Умер, Касьяновна, умер, родимая» («В деревне»).

⁷² Слово *жиган / жигун* несколько раз встречается и в «Юдоли» Лескова (хотя там контекст вовсе не тюремный), в том числе в значении ‘поджигатель’ («разве какому-нибудь жигуну огоньку сунуть долго» – *Н.С. Лесков*. Собр. соч.: В 11 т., т. 9, с. 306).

⁷³ Сигналом к этому служит реплика хора «чем прикажешь нам закусывать? <...> Миногами, батюшки, миногами». *Миноги* (есть *миноги*), по авторскому комментарию – ‘наказание плетью’. Не исключено, однако, что здесь отразилось представление о том, что миноги питаются мертвечиной (утопленниками), основанное, может быть, на их родстве с пиявками.

⁷⁴ *Л.М. Ивлева*. Ряженье в традиционной русской культуре. Пб., 1994, с. 222, сн. 17.

⁷⁵ Фрагмент ее истории (из французской традиции в немецкую) описан в: *В.М. Жирмунский*. К вопросу о странствующих сюжетах: Литературные отношения Франции и Германии в области песенного фольклора // В.М. Жирмунский. Сравнительное литературоведение. Л., 1979, с. 356–361.

⁷⁶ По сведениям В. Н. Всеволодского-Гернгросса пантомима «Баталия генерала Мальборуга» исполнялась в Москве в 1812 г., к ней он и возводит «Мавруха» (*В.Н. Всеволодский-Гернгросс*. Русская устная народная драма. М., 1959, с. 133–135).

⁷⁷ *В.Я. Пропп*. Русские аграрные праздники, с. 70

⁷⁸ В русском похоронном обряде обычно нет текстов, произносимых от имени покойника, см.: *А.К. Байбурин, Г.А. Левинтон*. Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990, с. 77, 86–87; *Г.А. Левинтон*. Об одном полесском погребальном мотиве // Лїтвежа (Полїська) штудїно-прахтыцька конфїрэнція. Тэзы праказэ. Пыньск, 1990, с. 37–40.

⁷⁹ [*Н.Е. Ончуков*]. Северные народные драмы, с. 135. Последнее слово Ончуков печатает с большой буквы, Всеволодский-Гернгросс (указ. соч. с. 134), цитируя его, пишет с маленькой, что кажется более уместным (хотя вообще он цитирует эту драму с рядом неточностей). Впрочем, носители, от которых на Севере записывал это Ончуков, могли понимать этот припев и как собственное имя

⁸⁰ В кн.: Фольклорный театр, с. 50 ошибочно веретена. Форма *веретно* засвидетельствована в XVII в. (Словарь русского языка XI – XVII вв., в. 2, М., 1975, с. 86).

⁸¹ Фольклорный театр, с. 46

⁸² *М.Я. Мельц, В.В. Митрофанова, Г.Г. Шаповалова*. Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков». М.: Изд. АН СССР, 1961, с. 211, № 386. (из ркп: *П.А. Дилакторский*. Загадки Вологодской губернии, <1901>

⁸³ *Н.А. Ивануцкий*. Песни, пословицы загадки, собранные в Вологде. Подг. Н.В. Новикова. Вологда, 1960, с. 200.

⁸⁴ *В.Я. Пропп*. Русские аграрные праздники, с 69–70. Приводившиеся выше строки о быке с чесноком также переключаются с загадкой, имеющей почти такую же разгадку: «Сидит (Лежит) баба на току, / С полной жопой (Полна жопа) табуку – Овин или мешок с рожью» (Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А.Н. Афанасьевым. М., 1997, с. 517, Загадка № 35 – в скобках Афанасьевым приведены варианты).

⁸⁵ *Н. И Савушкина*. Русский народный театр. М., 1976, с. 43, ср. о «Маврухе» там же, с. 72–73.

⁸⁶ Напомним что другая песня, имитирующая колокольный звон, основана на словах: *блин, полблина, четверть блина*, и т.д. – т.е. на названии поминальной (и шире – ритуальной) еды. Естественный вопрос, нужно ли видеть этот смысл в современном употреблении слова *блин*, в роли междометия, оставим открытым.

⁸⁷ Здесь это имя, многократно обсуждавшееся в связи с Основным мифом, появляется эксплицитно, ср. ряд упоминаний, отмечавшихся выше (в «Повести о боярыне Морозовой», в «Царе Максимилиане», отметим и *молнию* в финале «Мавруха»), об этом имени в контексте Сидора Карповича см. ВНТ, с. 47, сн. 32.

⁸⁸ Статья в «Учительской газете» (2003, 30 сент. http://www.ug.ru/ug_pril/gv/99/15/?action=topic&toid=1935) о валдайском музее колоколов перечисляет поговорки, имитирующие ритм, среди них есть: «Братец Яков, братец Яков, спишь ли ты, спишь ли ты? – Попадья Маланья, попадья Маланья, сплю я, сплю, сплю я, сплю».

⁸⁹ *А.Б. Страхов*. Ночь перед Рождеством: Народное христианство и рождественская обрядность на Западе и у славян. Cambridge, Mass., 2003, с. 343–344 (Paleoslavica, vol. XI, Supplementum 1).

⁹⁰ Хотя, отказываясь от упорядочения материала по лингвистическому признаку (т.е. в индоевропейской перспективе) и ориентируясь на европейские традиции как ближайшие аналогии, исследователи отчасти воскрешают тот беспорядочный сбор параллелей, который характеризовал типологические (эволюционистские) школы XIX – первой половины XX века (отчасти также и ранних мифологов).

⁹¹ Новизна славянских обрядов постулируется как нечто очевидное, например: «Весьма вероятно, что обычаи высеваания и прорастания зерен и трав представляют собой дохристианское средиземноморское наследие <...> Однако для целей нашего исследования «глубинные» связи таких обычаев не играют существенной роли. Существенно лишь, что они давно уже приняты христианством, и их органичную адаптацию внутри локальных (северных) вариантов христианской культуры, никогда о культе Адониса не слышавших, обеспечили иные резоны» (*А.Б. Страхов*. Ночь перед Рождеством, с. 23) – вывод превращается в посылку. То, что эти факты распространились после христианизации и благодаря ей, принимается за абсолютно очевидное и даже не обсуждается.

⁹² *А.Ф. Белоусов*. Из заметок о старообрядческой культуре: «Великое понятие нужды» // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979, с. 68–73.

⁹³ Что В.Н. Топоров считает естественным для этой фигуры: «Этому предположению не противоречит (а скорее подтверждает его) отчетливо экспрессивная отмеченность имени (обычно с комически-“снижающим”, “развенчивающим”, пародийным заданием)» (ВНТ, с. 43).

⁹⁴ Поэзия крестьянских праздников, с. 451–452, № 630.

⁹⁵ Рефрен здесь также близко напоминает оба упоминавшихся стихотворения Некрасова.

⁹⁶ *Н.А. Усов*. Русские песни (Фольклор Горьковской области). Горький, 1940, с. 128 (№ 2), 373, ср.: Поэзия крестьянских праздников, с. 599–600.

⁹⁷ *В.Н. Топоров*. Заметки по похоронной обрядности. (К 150-летию со дня рождения А.Н. Веселовского) // Балто-славянские исследования 1985. М., 1987, с. 10–52.

⁹⁸ Прежде всего, в сюжете связанном с именем *Жихарки* (ср. романы М. Успенского об этом персонаже).

⁹⁹ См. помимо названных: *В.Н. Топоров*. Об одной «ятажской» мифологеме в связи со славянской параллелью // Acta Baltico-Slavica, t. III, Białostok, 1966, p. 143–149; *Он же*. Мифологизированные описания обряда трупосожжения и его происхождения у балтов и славян // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности: Погребальный обряд. Тезисы докладов. М., 1985, с. 95–107; *Он же*. Индоевропейский ритуальный термин **souh₁-etro-* (-*etlo-*, -*edhlo-*) // Балто-славянские исследования 1984. М., 1986, с. 80–89.

¹⁰⁰ См.: *В.Н. Топоров*. Заметки по похоронной обрядности, с. с. 21, 26–27; *Он же*. Индоевропейский ритуальный термин, с. 80–89.

¹⁰¹ На другом уровне призывы «встать» напоминают (пародируют?) тематику похоронных причитаний.

¹⁰² Пословица «грех да беда на кого не живет» использована, между прочим, как заглавие пьесы Островского. Последняя реплика этой пьесы, видимо, синонимична заглавию (ср. во многих драматургических традициях, от Испании до Китая, прием – включать в завершающую реплику пьесы ее название): «Не ждал, не гадал, а в беду попал! Беда не по лесу ходит, а по людям». Михельсон (М. И. М и х е л ь с о н . Русская мысль и речь: в 2 т. М., 1994, т. 1, с. 218) дает несколько другое («оправдательное») толкование: «с кем не случается грех» (последнюю часть реплики: «Беда не по лесу<...>» он приводит *Там же*, т. 1, с. 85).

¹⁰³ Ср. лаконичную формулировку Мандельштама: «за тюремным ангелом сгоревшего в революцию Литовского замка» («Шум времени: Хаос иудейский»). Более обстоятельно: «Литовский замок производил одновременно как устрашающее, так и притягивающее впечатление. Ведь за этими стенами, за этими черными

окнами с их железными решетками, я рисовал себе самых жутких разбойников, убийц и грабителей и я знал, что из этой тюрьмы выезжали те «позорные колесницы», которые я видел медленно следующими мимо наших окон, с восседающими на них, связанными преступниками» (*А. Бенуа. Жизнь художника: В 5 кн., кн. 1,2,3. М., 1980, с. 17-18*). «Помню, как напротив нашей школы горел Литовский замок, это было так зловеще и так интересно! Мы там часто играли, пока его не снесли».*(Е. Юнгер. «Я всегда умела быть благодарной жизни» // Петербургский театральный журнал, № 18-19 1999).* Добровольная смерть узника в огне при пожаре Литовского замка (по наущению Ангела с крыши замка) стала темой рассказа А.С. Рославлева (*А. Рославлев. Ангел Литовского замка // Стереоскоп: Антология петербургской фантастики. Спб., 1992, с. 83-88*). Медный Ангел говорит герою рассказа: «Твое напоминание не будет сильнее *твоей жертвы*. Останься! Тем самым ты явишь крепость души, которая не соблазнится призрачной радостью освобождения <...> Твоя жертва будет втайне, *твое имя не назовут* и не напишут как славное, и это ли не радость для тебя?» (*Там же, с. 87 – курсив наш*).

¹⁰⁴ Ср. А.Ф. Белоусов. О влиянии старинной письменности на мировоззрение русских старожилов Прибалтики // Типология русской литературы и проблемы русско-эстонских литературных связей: Труды по русск. и слав. филологии, т. 31, Тарту, 1979, с. 3-12 (Учен. зап. / Тартуск. гос. ун-т, в. 491).